

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЭКСТРЕМИЗМА: ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

О.А. Сычев, к.псих.н., доцент, научный сотрудник
АГГПУ им. В.М. Шукшина, г. Бийск
e-mail: osn1@mail.ru

Е.В. Разгоняева, к.псих.н., доцент
Бийский технологический институт (филиал)
АлтГТУ им. И.И. Ползунова, г. Бийск,
e-mail: rev@bti.secna.ru

Целью статьи является обзор актуальных подходов к исследованию психологических факторов экстремизма. Рассмотрены результаты исследований когнитивных структур, характерных для экстремистского сознания, мотивации экстремистов, а также социально-психологических процессов, способствующих радикализации. Итоги обзора позволяют сделать вывод о том, что наиболее актуальным направлением в этой области является исследование различных социально-психологических и массовых процессов, вызывающих радикализацию и переход к экстремистским действиям.

Ключевые слова: экстремизм, радикализация, экстремистское сознание, мотивация экстремиста, социально-психологические процессы.

Экстремизм в самом широком смысле может быть определен как «поведение человека (включая убеждения, установки, чувства, действия, стратегии), которое существенно отклоняется от общепринятого, что в конфликтных ситуациях проявляется в чрезмерной вовлеченности в конфликт» [1, с. 2]. Поскольку термин «экстремист» в таком смысле не имеет абсолютных, четких границ и носит уничижительный характер, то обычно его не применяют по отношению к себе носители экстремистских убеждений, используя вместо этого понятия «радикал» или более конкретные наименования, отражающие содержание их убеждений. В этой связи, понятия «экстремизм» и «радикализм» чаще всего используются как синонимы.

С позиции междисциплинарного подхода среди основных факторов и условий развития экстремизма можно назвать следующие: неблагоприятные условия жизни, препятствующие удовлетворению базовых потребностей и нормальному развитию личности; сильные негативные

переживания, связанные с опытом утраты, насилия, длительного унижения; политическую и идеологическую поддержку экстремистской активности; использование экстремистских методов политическими силами в борьбе за власть; наличие в обществе идеологии, оправдывающей экстремизм [1].

В отличие от такого широкого междисциплинарного взгляда на проблему причин экстремизма, в психологических исследованиях внимание сосредотачивается на индивидуально-психологических особенностях человека и социально-психологических процессах, способствующих вовлечению в экстремистскую деятельность. Ярким примером такого психологического подхода является попытка когнитивного анализа особенностей экстремиста, нацеленная на раскрытие системы убеждений, определяющей склад ума (*mind-set*) человека, поддерживающего экстремизм [2]. В работе Л. Станкова с соавторами была предпринята попытка выявить такую систему убеждений с помощью психолингвистического анализа массива текстов, выражающих разные варианты идеологии воинствующего экстремизма, и последующего психодиагностического исследования. В результате были выделены три фактора, характерные для экстремистского сознания. Первый из этих факторов характеризуется как принятие или оправдание насилия. Второй фактор отражает убеждение в принципиальной порочности, неприемлемости мира и сложившегося в нём порядка вещей. Последний, третий фактор, отражает убежденность в значимости божественной силы и посмертного воздаяния за праведную жизнь и мученичество.

Хотя существует точка зрения, в соответствии с которой экстремизм является следствием психической патологии [3], она не пользуется поддержкой ученых: «едва ли сегодня кто-то полагает, что все экстремисты сумасшедшие» [4, с. 71]. Экстремистские убеждения могут разделять или пассивно поддерживать значительные массы людей, не показывающих никаких признаков патологии. В этой связи интерес представляет «пирамидная модель» участия в экстремистской и террористической деятельности, в соответствии с которой огромная масса пассивных сторонников, одобряющих действия террористов, но не участвующих в такой деятельности, составляют широкое основание пирамиды [5]. На вершину этой пирамиды попадают те, кто непосредственно осуществляет террористический акт, посвятив себя и свою жизнь реализации значимой для этой группы экстремистской цели. Между вершиной и основанием этой пирамиды находится множество людей в разной мере разделяющих значимость этой цели, и в разной

степени готовых к отказу от своих других целей и даже жизни ради совершения террористического акта.

Степень радикализма этих людей, проявляющаяся в готовности отказаться от жизни или реализации собственных жизненных целей ради совершения террористического акта либо экстремистских действий, зависит, по-видимому, от множества социальных и психологических факторов. Процесс изменения взглядов и установок, приводящий к усилению радикализма и вовлечению в экстремистскую деятельность, называют радикализацией. Этот термин стал одним из центральных понятий в зарубежных психологических исследованиях, направленных на анализ процессов и механизмов, лежащих в основе перехода к экстремистским формам политической активности. К. Макколи и С. Москаленко рассматривают радикализацию как «изменения в убеждениях, чувствах и поведении в направлении возрастающего оправдания межгруппового насилия и необходимости жертв во имя защиты собственной группы» [5, с. 416]. Можно сказать, что радикализация – это постепенный процесс превращения в экстремиста или, по крайней мере, движение в сторону экстремизма.

В публикациях этих авторов дана характеристика некоторых основных факторов радикализации на трех основных уровнях: индивидуальном, групповом и массовом [6]. На индивидуальном уровне для радикализации значение может иметь, к примеру, личная обида, направленная на какие-либо социальные институты или группы и побуждающая к мести. Подобным образом побуждать к мести может переживание несправедливого, унижительного отношения к своей социальной группе. К радикализации на индивидуальном уровне может также вести возрастающая вовлеченность в неконструктивную политическую активность или значимые личные отношения с человеком, исповедующим радикальные взгляды и т.д.

На групповом уровне радикализации могут способствовать такие социально-психологические явления как групповая поляризация (усиление крайних взглядов в процессе их обсуждения и взаимодействия, вместо ожидаемого сближения позиций); групповая изоляция (когда группа, отрезанная от более широкого сообщества, становится буквально всем для каждого её члена); конкуренция или конфликт между группами. На массовом уровне могут действовать, к примеру, такие механизмы радикализации как провокация легитимной власти к непропорциональным и неоправданно жестким действиям, побуждающим агрессию по отношению к власти в обществе или возбуждение ненависти к другим группам посредством их демонизации, делегитимизации. Для усиления радикализации на этом уровне может использоваться

идея «мученичества» с привлечением внимания к людям, отдавшим жизнь за идеалы группы, и акцентированием мысли о том, что эти жертвы были не напрасны и должны быть отплачены [6].

В рамках одного из наиболее полных подходов к исследованию истоков экстремизма и радикализма психологические факторы этого явления могут быть связаны с поисками человеком подтверждения собственной значимости, в стремлении обрести или утвердить значимость собственной личности [4]. Радикализация, в которой может проявляться такой поиск личностной значимости, выступает здесь как пассивная поддержка или вовлеченность человека в активность, которая рассматривается большинством как нарушение важных социальных норм.

Модель радикализации, предложенная данными авторами, включает в себя три основных компонента:

1) мотивационный компонент, включающий стремление к личностной значимости;

2) идеологический компонент, предлагающий приемлемое оправдание насильственных средств для достижения целей;

3) социальные процессы, благодаря которым индивид становится приверженцем оправдывающей насилие идеологии и переходит к применению насилия для реализации поставленных целей и обретения, в конечном итоге, чувства личностной значимости.

Значительное внимание в рамках этой модели уделяется оправдывающей терроризм и экстремистские действия идеологии как системе коллективных убеждений, который разделяются всеми членами группы. Такая идеология включает в себя следующие элементы: обиды, связанные с несправедливостью или ущербом, которым подвергается группа; виновников – тех людей, которые виновны за переживаемые этой группой несчастья и обиды; средство или метод борьбы с виновниками.

С психологической точки зрения, наибольший интерес представляет мотивационный компонент этой модели, которому авторы уделяют довольно большое внимание. Согласно их мнению, стремление к личностной значимости может рассматриваться в качестве фундаментальной потребности иметь значение в обществе, представлять собой нечто, пользоваться уважением. По мнению данных авторов, эта потребность универсальна и в разных своих проявлениях она получила различные наименования в соответствующих психологических теориях мотивации.

Человек, по мнению авторов данной концепции, оказывается особенно уязвим для влияния экстремистской идеологии в ситуациях, ко-

гда активизируется поиск личностной значимости. Если этот поиск приводит к идентификации экстремистских или насильственных действий в качестве адекватного средства достижения чувства значимости, то при постепенном вовлечении в соответствующую деятельность и социальную общность может происходить усиление этого стремления при пожертвовании ради него всеми другими собственными целями и мотивами.

Активизация поисков значимости может происходить вследствие фрустрации соответствующей потребности при утрате ощущения личностной значимости, либо в случае угрозы её потери. В качестве примеров ситуаций утраты личностной значимости, активизирующих её поиск, А. Круглянский с соавторами приводят трудности интеграции иммигрантов в новой культурной среде, потерю семьи и близких (как, например, у некоторых террористок-вдов), социальную стигматизацию (например, при заражении ВИЧ-инфекцией) и т.д. [4]. Подобные жизненные ситуации существенно чаще возникают в тех случаях, когда общество находится в состоянии аномии, проявляющемся в неспособности государства обеспечить поддержание законного порядка и недостаточности условий для социально-приемлемой реализации гражданами значимых личных целей.

Несмотря на важную роль мотивационных предпосылок перехода к экстремистским взглядам, более существенным представляется влияние факторов социально-психологического уровня, так как люди «не склонны к радикализации сами по себе, не будучи частью группы и не разделяя присущей этой группе «модели реальности» [7, с. 182]. Подобной точки зрения придерживаются К. Макколи и С. Москаленко, которые на основе тщательного анализа проблемы делают вывод о том, что радикализация в большей мере проистекает из динамики межгруппового конфликта, а не из индивидуальных особенностей или субъективных процессов.

Одним из проявлений радикализации является рост интолерантности в отношении некоторых этнических или социальных групп, связанный с убежденностью в принципиальной враждебности или порочности их членов и, следовательно, возможности исключения этих групп из сферы действия конвенциональных правил, моральных законов и принципов. Такое отношение оправдывает любое противозаконное, аморальное и экстремистское поведение по отношению к членам этих групп. Для обозначения подобного явления традиционно используется термин делегитимизация группы, а в английском языке наряду с этим понятием получает распространение также термин эксклюзионизм (от англ. exclusion – исключение). Подобные установки в отношении

некоторых социальных групп могут быть следствием воспринимаемой угрозы с их стороны [8].

Роль воспринимаемой угрозы в радикализации отношения к некоторой социальной группе особенно заметна в том случае, когда представители этой группы участвовали в террористической деятельности. В этом случае, как следует из «основанной на стрессе модели политического экстремизма» большое значение приобретает такой психологический фактор как переживание стресса в результате осознания подверженности терроризму [9]. Результаты эмпирической проверки данной модели подтверждают идею о том, что переживание стресса, действительно, является медиатором между пониманием подверженности терроризму, воспринимаемой угрозой и ростом интолерантности по отношению к соответствующей социальной группе. Этот факт, вероятно, следует учитывать в тех случаях, когда речь идет о профилактике подобной радикализации по отношению к группе, представители которой вели террористическую деятельность, что особенно актуально в странах и регионах, страдающих от терроризма.

Подводя итог, можно сказать, что наибольший интерес исследователей психологии экстремизма привлекают различные социально-психологические и массовые процессы, вызывающие радикализацию. В отдельных работах, посвященных психологическим особенностям личности, способствующим радикализации, основное внимание уделяется экстремистской системе убеждений или мотивации, выступающей, например, в форме желания отомстить или стремления к личностной значимости. Тем не менее, ведущую роль в формировании экстремистских убеждений и переходу к активному участию в экстремистской деятельности большинство авторов отводит механизмам и процессам социально-психологического уровня.

Список литературы

1. Coleman P.T., Bartoli A. Addressing Extremism // Position paper New York: Columbia University, The International Center for Cooperation and Conflict Resolution. – 2003. – 13 p.
2. Stankov L., Saucier G., Knežević G. Militant extremist mind-set: Proviolence, Vile World, and Divine Power // Psychological assessment. – 2010. – Vol. 22. – №. 1. – P. 70–86.
3. Gruen A. An unrecognized pathology: The mask of humaneness // Journal of Psychohistory. – 2003. – Vol. 30. – №. 3. – P. 266–272.
4. Kruglanski A.W., Gelfand M.J., Bélanger J.J., Sheveland A., Hetiarachchi M., Gunaratna R. The psychology of radicalization and deradicali-

zation: How significance quest impacts violent extremism // *Political Psychology*. 2014. Vol. 35. – P. 69–93.

5. McCauley, C., Moskaleiko, S. Mechanisms of political radicalization: Pathways towards terrorism // *Terrorism and Political Violence*, 2008. – Vol. 20. – P. 415–433.

6. McCauley, C., & Moskaleiko, S. Friction: How radicalization happens to them and us. New York, NY: Oxford University Press. – 2011. – 248 p.

7. Van Stekelenburg J., Klandermans B. Radicalization // *Identity and Participation in Culturally Diverse Societies*. – New York: Wiley-Blackwell, 2011. – P. 181–194.

8. Stephan W. G., Renfro C. L. The role of threat in intergroup relations // *From prejudice to intergroup emotions: Differentiated reactions to social groups*. – 2002. – P. 191–207.

9. Canetti-Nisim D. et al. A New Stress-Based Model of Political Extremism Personal Exposure to Terrorism, Psychological Distress, and Exclusionist Political Attitudes // *Journal of Conflict Resolution*. – 2009. – Vol. 53. – №. 3. – P. 363–389.

O.A. Sychev., E.V. Razgonyaeva. *APPROACHES TO INVESTIGATION OF PSYCHOLOGICAL FACTORS OF EXTREMISM*.

The aim of this article is to review current approaches to investigation of psychological factors of extremism. The results of researches of extremists' mind-set, motivation and psychosocial factors of radicalization have been considered. In sum the review showed that current trends in this field of research include analysis of different psychosocial and mass processes facilitating radicalization and extremists actions.

Keywords: extremism, radicalization, extremists' mind-set, extremists' motivation, psychosocial processes.